

УДК 398.2(=511.2)

DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-4-729-740

К вопросу о типологии пространства в ненецком героическом эпосе (места обитания)

Н. В. Плужников

*Институт этнологии и антропологии РАН,
г. Москва, Российская Федерация,
ethno@list.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: структурно-типологический анализ героического эпоса любого народа, с одной стороны, важен для фольклористики с обнаружением текстовых закономерностей, как у данного народа, так и у его соседей. С другой стороны, это ценный этнологический источник по особенностям мировоззрения, механизму мышления, системе ценностей и моделей поведения. Ненецкая традиционная культура основана на кочевом образе жизни. В географическом пространстве, занятом ненцами, поселки и города находятся, как правило, на периферии ненецкого расселения, их немного и они относятся к соседним с ненцами народам. Поэтому в ненецком героическом эпосе пространство, за редким исключением, полностью занято кочевниками-оленьеводами, где осознание «своего-чужого» иное, чем у оседлых культур. Задача исследования – вычленение функциональных и описательных текстовых универсалий восприятия пространства.

Цель работы: произвести структурно-типологический анализ ненецких героических песен, касающийся изображения мест обитания человека от конкретных к абстрактным в поиске определённых закономерностей и объяснения их смыслового содержания.

Материалы исследования: изданные тексты ненецких героических песен в количестве 50 произведений.

Результаты и научная новизна: впервые произведён структурно-типологический анализ ненецких героических песен. Он дан в отношении одного из видов описательных элементов, которые сопровождают сюжет. В текстах ненецких героических песен обнаружены определённые закономерности в отношении конкретных описаний мест обитания в общей структуре (начало – сюжет – финал) и их независимость от характера героев (положительного или отрицательного), а в отношении абстрактных – мировоззренческие понятия, которые до сих пор описаны не были и их отношение к героическому эпосу как к фольклорному жанру.

Ключевые слова: ненцы, герой, героический эпос, песня, река, ручей, озеро, море, мыс, земляной чум, густой ивняк.

Благодарности: аспиранту ИЭА РАН Елизавете Сэроковне Яптик за сверку ненецких текстов и русских переводов, а также ценные комментарии к отдельным ненецким словам и понятиям.

Для цитирования: Плужников Н. В. Пространство в ненецком героическом эпосе (места обитания) // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 729–740.

To the question of typology of space in the Nenets heroic epos (habitat)

N. V. Pluzhnikov

*Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS,
Moscow, Russian Federation,
ethno@list.ru*

ABSTRACT

Introduction: the structural-typological analysis of the heroic epos of any nation, on the one hand, is important for folklore studies with the discovery of textual patterns, both in a given people and in their neighbors. On the other hand, it is a valuable ethnological source on the peculiarities of the worldview, the mechanism of thinking, the system of values and behavior patterns. Nenets traditional culture is based on a nomadic way of life. In the geographical space occupied by the Nenets, as a rule, settlements and towns are on the periphery of the Nenets settlement; there are few of them and they belong to the peoples adjacent to the Nenets. Therefore, in the Nenets heroic epic, with rare exceptions space is completely occupied by nomadic reindeer herders, where the awareness of “one-to-other” is differ from sedentary cultures. The task of the research is the identification of functional and descriptive textual universals of the perception of space.

Objective: to make a structural and typological analysis of the Nenets heroic songs, concerning the imagery of human habitats from concrete to abstract in the search for certain patterns and explanation of their semantic content.

Research materials: published texts of Nenets heroic songs in the amount of 50 works.

Results and scientific novelty: for the first time a structural and typological analysis of the Nenets heroic songs was made. It is given in relation to one of the types of descriptive elements which accompany a plot. Certain patterns were found in the texts of the Nenets heroic songs in relation to specific descriptions of habitats in the general structure (beginning – plot – final) and their independence from the character of the heroes (positive or negative); in relation to abstract descriptions we found the worldview notions which are still not described as well as their relation to the heroic epos as a folklore genre.

Key words: the Nenets, hero, heroic epos, song, river, stream, lake, sea, cape, earthen chum, thick willow wood.

Acknowledgments: the author is grateful to the graduate student of the IEA RAS Elizaveta Serokovna Yaptik for checking of the Nenets texts and Russian translations, as well as for valuable comments to separate Nenets words and notions.

For citation: Pluzhnikov N. V. To the question of typology of space in the Nenets heroic epos (habitat) // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric studies. 2018; 8(4): 729–740.

Введение

Эпические песни ненцев отличаются от схожих фольклорных жанров у других народов Сибири и привлекают к себе лаконизмом языка и часто непредсказуемой динамичностью сюжета. Языковая ясность даёт возможность почувствовать строгий жанровый канон. Его структурно-типологическое описание, которое начали в области мифа и волшебной сказки В. Я. Пропп [6] и К. Леви-Стросс [16] (и продолжили – А. Греймас [13], Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик, Д. М. Сегал [5], Т. В. Цивьян [11] и др.) имело бы смысл для фольклористики. Это, например, окажется важным при компаративном анализе героического эпоса у соседних с ненцами народов, испытавших сильное влияние ненецкой культуры – коми-ижемцев, энцев и нганасан. Одна из задач такого рода работы – вычленение функциональных и описательных текстовых универсалий, поскольку пространство – параметр любого повествования, хотя и наиболее общий.

Другая причина – этнологическая. Эпос любого народа отражает картину мира, механизмы мышления, систему ценностей и модели поведения в культуре. Эти факторы, как и построение любого повествовательного текста, начинаются с восприятия пространства.

Материалы и методы

Данная работа не претендует на полноту использования материала. Автором были взяты «Эпические песни ненцев» [4] – 25 текстов (составитель и комментатор З. Н. Куприянова); «Ненецкий эпос» [8] – 13 текстов (составитель и комментатор Н. М. Терещенко); «Ненецкий фольклор» [3] – 5 текстов (составитель и комментатор З. Н. Куприянова, Л.) и «Фольклор ненцев» [10] – 7 текстов (составители и комментаторы Е. Т. Пушкарева и Л. В. Хомич).

Материалы М. А. Кастрена [12] и Т. Лехтисало [14] (наиболее ранние записи ненецкого фольклора, сверены со словарем Т. Лехтисало [15]) не были использованы в связи с дополнительной проблемой – отсутствием перевода записи песенного характера в повествовательный текст, удобный для анализа по содержанию. К сожалению, не удалось воспользоваться материалами Е. Т. Пушкаревой [7] (нет полных текстов), а также А. В. Головнева [1] из-за отсутствия исходников на ненецком языке. В итоге были обработаны 50 текстов. Выводы, которые получились из этого анализа, могут лечь в основу последующих исследований ненецкого героического эпоса.

Структурно-типологический метод представлял поиски в текстах пространственных характеристик, которые могли бы брать на себя определенные функции содержания и сюжета в целом. Полученный список анализировался как по внешнему сходству (типология), так и по месту в сюжете (структура). Структура фольклорного повествовательного текста напрямую связана с его содержанием (в отличие, например, от письменной авторской литературной традиции). Поэтому обнаруженные пространственные характеристики рассматривались как элементы структуры текста и одновременно сюжета.

Результаты

Несмотря на существующую у самих ненцев жанровую терминологию, которой пользуются многие исследователи героического эпоса (*сюдбабц* и *ярабц*), жёсткое разделение эпических памятников по этим двум жанрам далеко не всегда выглядит оправданным. Гиперболизация, характерная для классического эпоса (в нашем случае, связанная с пространственными построениями), в ненецком фольклоре представлена как в *сюдбабц*, так и в *ярабц*, то же самое можно

сказать и по поводу реалистических наполнений пространства. Н. М. Терещенко добавляет к этим двум жанрам ещё и промежуточные – *судбацарка* (полу-судбац) и *ярабцарка* (полу-ярабц) – уже не относится к области песен) [8, 26, 31], но как эта система отражена в текстах, нам, к сожалению, узнать не удалось из-за безвременной смерти исследователя. Два текста из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» – «Муж-Мертвец», обозначенный как *судбац* и «Женщина, Сирота-Женщина», обозначенный как *ярабц*, вызывают сомнения в жанровой принадлежности по своим сюжетам.

Как уже было сказано, язык ненецких героических песен лаконичен. Если же брать ненецкую культуру в целом, как культуру крупнотабунных оленеводов, то в ней стоит учесть общую прагматическую направленность мысли и деятельности во времени, касающихся сложного содержания большого оленьего стада. Этот прагматизм относится к системе ценностей, при которой достижимо процветание по ненецким технологиям. Такая жизнь не располагает к многословию (но при этом не лишена созерцательности). Поэтому далеко не во всех эпических текстах можно вообще найти пространственные характеристики. Они отсутствуют в «Двух Сэротэта» [4], «Двух Эбт Яб» [4], «Восьми Ярко» [8] и «Старике Выя» [3]. Вряд ли эти тексты по своему содержанию сильно отличаются от остальных. Если через них знакомиться с ненецким героическим эпосом, то кажется, что пространство не имеет отношения к существованию ненцев, настолько их жизнь построена удобно и самодостаточно. Содержание таких песен обычно наполнено разговорами героев и описанием сражений. Но отсутствие пространственных характеристик не означает, что нет самого пространства. Во всяком случае, возникает ощущение пустоты, которая в других героических песнях заполняется в разной степени и при определённых обстоятельствах.

В первую очередь, здесь оказываются заметны определённые стандарты словесных выражений по тому или иному поводу (автор выделяет их, если они встречаются больше одного раза в независимых по содержанию текстах, не являющихся вариантами одного и того же сюжета). Среди подобных стандартов – изображения пространства, прежде всего в виде мест обитания. Они поделены на три группы по местоположению (начало – исходная точка,

конец – итог, середина – собственно сюжет). Попробуем объяснить их смысл.

А) Места обитания в начальных и финальных формах.

Таких форм несколько, они необязательны, так как определяют состояние жизни героев, с которого начинается развитие сюжета той или иной песни. Финал может отражать начало и в этом случае рассматривается здесь в этой группе.

- Ивняковая речка (*нероко яхако*):

На берегу ивняковой речки один маленький чум (*Нероко яхако* 'тиркана *нопой нюдяко мядеко*) [4, 59, 77];

Маленькая ивняковая речка. Среди ивняка стоит наш чумик, вариант а (*Нероко яхако. Нероко 'погана мядикова' а*) [4, 150, 161].

Эта песня записана в четырёх вариантах. Один из них аналогичен приведённому:

Около ивняковой речки стоял маленький чум. (*Нероко яхако 'хэвхана нюдяко мя'таневы*) [4, 174, 182].

Как я стал [всё] помнить, мы жили около ивняковой речки (*Тена'н то'мад неро яха'хэвхана илевэва'*) [4, 426, 441]. Здесь, правда, в ненецком тексте «река» дана без уменьшительного признака.

Если посмотреть, как связаны исходные изображения пространства с сюжетом песни, то мы легко обнаружим, что ивняковая речка (или река) обозначена там, где героя выращивают втайне, опасаясь врагов, которые убили его отца-богатыря. В одном из вариантов упомянутого текста «Хозяин Ябта Саля» (где отсутствует соответствующее описание места) об этом говорится прямо: *Си'ми тале вадабихи'* «Они растят меня, скрываясь [от людей]» [4, 190, 194]. Это описание очень скудной, но спокойной жизни, которая длится много лет. Обозначим подобные описания «местом скрада». В сюжете – это вынужденная мера выживания героев, поэтому благополучный конец всегда рисуется с иным окружением. Если взять сходные сюжеты (упомянутый «Сын хозяина Ябта Саля»), то подобным пространственным началом, может быть менее стандартным, окажется следующее:

<...> на гнилом крутом берегу озера один чумик, плохонький чумик (<...> *тибей лаугота то'сяд'ниня нопой мядекоца*) [4, 96, 122].

В ненецком героическом эпосе встречаются и более благополучные описания «места скрада»:

Мы жили около реки с лесистыми берегами. Жил я с матерью и младшей сестрой. У нас

олений было немного. Всего только сто оленей. <...> До меня наших сто оленей караулила моя мать (*Мадорота яха' хэвхана маня' илевэва'. Небяв пухуця, не папаков, не ацекы, маня' илева-ць. Тэри тэхэвава' ока тэва' ягу. Тас юр' тэва'.* <...> *Мань тякунан тас юр' тэва' небяв пэриць партакыда*) [4, 347, 358].

Здесь возникает ощущение недосказанности: для ненецкого эпоса сто оленей – мало. Почему это семейство живёт в одиночестве и без отца? Почему мать пасёт оленей? – Вскоре приезжает старший брат матери и мать объясняет герою, что это он распорядился вырастить героя в стороне (*хэвнякуна вадаби*) [4, 348, 359]. Гость сообщает матери, что героя уже ищут, и поскольку тот достаточно вырос, герой с матерью и сестрой для безопасности должны перебраться к ним. Этот вариант жизни приближается к обычному для оленеводов-ненцев, у которых старики и дети в летний сезон оставались на водоёмах заниматься ловлей рыбы, в то время как среднее поколение и молодёжь кочевали с оленями.

По поводу «мест скрада» в ненецких героических песнях можно сказать следующее, сюжет, где «место скрада» присутствует вначале изложения, всегда обозначает драматический итог вооружённого конфликта в прошлом, выходящем за границы данного текста. В песне «Сив Ноеця» герой-мальчик, будущий богатырь, неожиданно находит место жизни и гибели отца и своих родных:

Он пошёл вниз по реке. Ивняковая речка немного стала больше. Внизу она как большая река стала, она впадала в море с пахнущей водой. Из устья ивняковой речки в большое море вдавались семь тонких мысов (*Нероко яхамда уыльняю' ха'аврамба пяда. Нероко яхар нёври' нарма. Ёыльняна нарманда сер' итежабтене'э ямд' надаравы. Нероко яхаконд ня'авхад нарка яв' ня' си'ив ябта сале, сале инъявы*) [4, 61, 79].

Такое место, которое трудно себе представить в реальном природном мире из-за числовой гиперболы, в ненецких эпических песнях всегда оказывается жилым. В нашем случае герой попадает на «место смерти», то есть стойбище с людьми было уничтожено из-за своего благополучия. В результате герой снова делает его местом жизни, поселяясь на этих мысах со своими товарищами:

– Бабушка, впереди в большое море выступает семь мысов. Который мыс был нашего отца?

Старуха сказала: «Мыс твоего отца-то был правее других мысов». <...> Вот тут и стали они. <...> На один мыс стал Хозяин Есь Тота. На другой мыс стал Ненэй Сеяд. Ещё на один мыс стал Тивак Вакацям Сякалпадараха. Из семи мысов четыре мыса заполнили чумами. (– *Хадакэ', нернякуркана нарка яв' ня' си'ив сале ин'явы. Нисяна' саяда ханяны нэса? Пухуця масьню': «Нисянд саяхава нята маханий саясь».* <...> *Ти тикан' нэсы'. <...> Ёпой саян' Есь Тота ерв нэсы. Ёпой саян' Ненэй Сеяд нэсы Тивак Вакацям Сякалпадараха нэсы. Си'ив саяхат тет саям'мядо'пандэдо'*) [4, 77, 95].

Аналогичная история отражена во всех вариантах «Сына хозяина Ябта Сая (Тонкого мыса)» [4]. Там дети, главные герои песни, бегут от преследователя и случайно попадают на мыс, «место смерти» их отца и родных. Там они находят семисаженный хорей и с его помощью перепрыгивают на проплывающую льдину. Финальная раскладка после победы над всеми врагами:

<...> сын [Хозяина] Ябта Сая (Тонкого Мыса) вот зажил на Тонком мысу. Верхний кряж – все его олени (*Ябта Сале'ню ябта саяханда ти илел'*. *Тю'уний хойда мал' тюку'ты'*) [4, 122, 149]. Последняя фраза – выражение оленного благополучия героя [4, 739].

• большое озеро (*арка то*)

На берегу большого озера 70 чумов (*Арка то'вархана си'ив ю'мя'*) [4, 199, 204].

В этой песне дан нечастый случай симметричного завершения: герой возвращается с женой и, подъезжая к родному стойбищу, говорит ей:

– Вон впереди большое озеро. На берегу озера чумы, это наши чумы (*Нерняна арка то ади. Тикы то'вархана мяд'ади, тикы'маня'мядона'*) [4, 204, 210]. В этой песне пространственных изображений больше не встречается.

Подобное начало с большим озером есть и в двух других песнях, там озеро названо ещё «небоподобным» (*нумлаха*): ещё одно осталась в архивных материалах – там два старика живут на двух мысах [3, 130]. В песне «Младший сын Нароя» («*Нароя'нюдя ню*») подобное описание места представлено с эпическим размахом:

Жили мы около большого небоподобного озера. У небоподобного озера две протоки. Одна протока, по направлению к большим холмам, стала большой лесистой рекой. Другая протока стала рекой с крутыми обрывистыми берегами. Кроме того, на самой середине

большого небоподобного озера имеется иглоподобная сопка. У иглоподобной сопки три вершины. (Дальше идёт рассказ о том, как вдоль этих рек семья героя кочует круглый год) (*Нумлаха то "я" – то "хэвхана маня" илевэва*). *Нумлаха то "я" сидяда сё"яда. Нябида сё"яда нарка хоё" ня' нарка нароте"э яханэ хая. Нябида сё"яда наду сядоте"э яханэ хая. Тикы' тяхамна нумлаха то "я" – то "сава ерня нибяраха сохо, сохотанявы. Нибяраха сохотаняна' хунанда няхарта нэвада*) [8, 123, 135].

В другом тексте есть косвенное указание на величину озера, которое представляет собой типичную эпическую пространственную гиперболу – в ненецких эпических песнях она встречается часто:

<...> мы живём на берегу озера с семьёй мысами (<...> *си'ив салте'э то' тирлихана маня' илевэва*). «Няхар' Хэно» [3, 220, 230].

- мыс (или мысы) берега моря

В большое море мыс вытянулся. У его начала по берегу – целых сто чумов. В конце мыса, в стороне, семьсот чумов (*Нарка-Яв" ня' саля енья. Саля пауэхана тас' юр" мя*). *Саля' малхана серту'ямбохона си"ив юр" мя*) [10, 306, 307].

Живём мы на мысу Печорского моря. У Богатого Импотента Русского у основания мыса есть один большой чум (*Печоров яв' яв' саляхана маня" илевэва*). *Тэта Хабт Луца' Печоров яв' саляхана, саля' пауэхана ноб"нарка мя*) [8, 255, 261].

- дельта реки, низовья реки

На притоке, впадающей в море, на морской дельте мы живём (*Ямд' сёёхона, яв' нявхана маня" илевэва*) [8, 226, 229].

Мы живём там, где впадает в море Большая Ивняковая река (*Нарка нерци'яха'ямд'ня'авхана мани' иленгани*) [3, 185, 195]. Это один из немногих текстов, освещающий сезонные перекочевки ненцев: на побережье они проводят лето, а зимуют в истоках Большой Ивняковой реки. Здесь любопытен конец:

И вот я зажил спокойно на широком холме у истоков Большой Ивняковой реки (*Тадхава ти намгэда харада нэвы нэвна Нарка Нерци'яха' сада' малхы пауарка хой' ни' хыркаси' хараси' та илельюв*) [3, 195, 204].

Благодаря концу становится понятно, почему вначале объясняется, как в течение года кочует по Большой Ивняковой реке семья героя: он их находит в истоке реки (значит, это была зима) – так что он возвращается жить на прежнее место.

Другие приведённые случаи начала, отражённого в пространстве, можно обозначить как благополучные: жизнь на берегу, мысу или мысах большого небоподобного озера, на морском мысу или мысах, а также в дельте или устье большой реки. При этом любопытно, что в «Трёх Хэно» [3] и «Младшем Семи молодцов» [8] домашние олени не упомянуты – они не нужны обитателям этих мест, настолько богата их жизнь добычей от рыбного промысла и охоты на дикого оленя. Благополучие начального описания места может не относиться к главному герою – он нищенствует и пасёт оленей у богатых хозяев, которые (как выясняется в истории) убили его родителей и присвоили себе их оленей (например, «Три Вай» [4], «Мальчик Вэннга» [8]). То есть изначальное неблагополучие героя оказывается следствием драматических событий прошлого, касающихся его отца, который был сильным и удачливым человеком. Когда же в подобных сюжетах герой побеждает своих врагов, он нередко остаётся жить на этом месте, поскольку оно ещё раньше было связано с его предками (например, «Мальчик Вэннга»).

Другой пример благополучного места для жизни – это большие «небоподобные» озёра. У ненцев они существуют в реальной жизни и встречаются не так часто. Вероятно, это озера со светлой водой, и названы так за красоту и масштабность [8, 150].

Во всех упомянутых случаях мы видим обилие воды, как признак благополучия. При этом вода оказывается не только источником пищи и питья – при использовании мысов она представляет собой естественную защиту. В «Сыне хозяина Ябта Саля», вариант А (где дети, спасаясь от врагов, попадают на место гибели отца и их родных) оговорено, что в основании морского мыса имелось пресноводное озеро:

<...> оказалось – равнина прилегает к морю. Там был мыс. <...> У основания мыса небольшой склон. На этом склоне когда-то были чумовища, <...> была целая сотня чумов. <...> Тут было озеро [куда ходили за водой] (<...> *яв'лабта эвы. Саля эвы. Саля'паган'тэвыни' <...> Няв тюд'ниня ся'ны'хуны'мяды'эвы*). <...> *тас юр'мя'эрхавы. <...> Нермя тодо'таневы*) [4, 152, 163].

В противовес такому «благополучному» описанию один из рассматриваемых текстов начинается на «неблагополучном» месте:

В безводной земле, в безозёрной земле, в земле без моря сплошной железный холм.

Посередине железного холма – один железный чум (*Ицяда яхана, тосяда яхана, ямзяда яхана мал еся хой. Еся хой' ерня юб" еся мя"*) [8, 87, 99]. В этом утверждении можно было бы усомниться, но по сюжету герой просит помощи (у него украли невесту) у старика-хозяина этой земли, и тот ему предлагает спросить у остальных жителей, а фразу начинает словами: <...> на нашей плохой земле (<...> *вэва яханана*) [8, 88, 101].

Б) места обитания в сюжете

Наша задача – проследить канон изложения (в данной статье – пространственные изображения мест обитания) по сюжету. Часть из них могут не встретиться в начале или в конце, другая часть – наоборот, к канону изложения безразличны.

- земляной чум (амбар) *я'мя"* (*тин*)

В героическом эпосе ненцев возможность скрыться герою и «перерасти» свою физическую слабость или «пересидеть» поражение до удобного момента встречается часто. Там, где «место скрада» обнаруживается в середине (возникшее по обстоятельствам данного сюжета), начало может быть вполне благополучным. Такой вид «скрада» в героическом эпосе, наиболее комфортабельный, мы встречаем в «Старике Лад Сэр» («*Лад Сэр вэсако*»): <...> через некоторое время впереди показался холмик, на котором обычно сидит сова. <...> Там на склоне холма медная ручка, как огонь горит (<...> *пирлихана нерна'няна ханебицё'намдорма лорца надиманё'*. <...> *Таня надьбата лорца' тэлхана нярава туска тодана турха*) [4, 619, 631]. Дальше идёт по-ненецки обстоятельное описание земляного чума, внутри которого стоят нарты с кладью и вдобавок обычный чум. На типичность изображения подобного рода сооружений в ненецком эпосе указывает деталь, характерная для героического эпоса (которая, собственно, разрушает всю маскировку) – сверкающая на солнце медная ручка. Такого рода места существуют и у врагов: (в «Трёх Ваях»):

Ты переедешь реку с лесистыми берегами. Поедешь вверх по реке. Река расколется на три рукава. Там переедешь реку, будет ручей. У ручья будет земляной чум (<...> *мадорота яхам' мадагун. Тю'уня' ханагур. Яха няр'ян' ханта, тания' мадагур, пеэа танегу. Пеэа'ня'вхана я мя' танегу*) [4, 521, 541].

Героя отправляют бороться с обитателем подобного «скрада», чтобы тот не пришёл на помощь своим братьям.

Если же «место скрада» сооружено капитальным образом – типа земляного чума, то оно было устроено в прошлом, выходящим за границы данного текста. Но это прошлое не закончилось драмой, и потому не связано с данным сюжетом. Оно нужно для постоянно меняющихся обстоятельств в отношении силы и слабости героев-богатырей и держателей оленных стад. В тексте «Старик Лад Сэр» отец героя, хозяин земляного чума, так объясняет его возникновение:

Давно, когда я был молодым, если где земли поднимались воевать, я находил [здесь] убежище. Жители семи земель меня никак найти не могут. Про земляной мой амбарчик до сих пор никто не знает (*Нари' навнанда мань нац' нэвани мальгана хуна ё' манзадаб' лыгкоридани мэ'лидасетыв. Си'ив яниндер' си'ми ханзеркарт' хось, я'амсеты'. Я тинкоми туюку тенад нули' хибяхарт ехэрада*) [4, 619–620, 631].

Для нас важно, что вначале героических песен из данного корпуса текстов «место скрада» типа земляного чума не встречается, хотя вначале оно бывает, но представлено «плохоньким чумиком» (см. выше).

- нарты, стоящие годами в густом ивняке (фрагмент существует в разных словесных вариантах описания)

Это случай внезапной потребности в «скраде» и на длительное время. В песне «Сын хозяйина Ябта Саля» [4] «скрад» возникает дважды: детей, которых тайне выращивает мать наконец находит убийца их отца, и они спасаются от него, пока мальчик – будущий богатырь – не вырастет. В своих скитаниях дети находят стойбище, где живут друзья их врага. Сестра этих людей прячет героя и его сестру в густом ивняке на десять лет (в данном варианте), где у этого семейства стоят нарты со всяким добром, которое не нужно до поры, до времени. Она даёт им обстоятельную инструкцию и обещает навещать:

<...> вы пойдёте вниз по реке Нерцте, найдёте очень большой ручей, как река. Дойдёте до устья реки. [Там] есть дорога, по которой ездят годами, пойдёте по этой дороге. Дорога уходит в ивняк. **В ивняке есть нарты, которые стоят годами.** В этих нартах всё есть. Вы поставите свой чум в очень густом ивняке, чтобы до вас нельзя было добраться. <...> брата не отпускай на открытое место. Если будете варить, то топите ночью (вариант А) (*Нерцте яхам'*

тасиня' ха'врагури', тарця арка'е пезям' хогуди', хаця' яхарха. Тикы ня'авхада тэвгуди'. Арка яха'ня'авхана по'на ядэлава сехэры тания. Сехэрым' хана'. Сехэры неро' полин' паклы. **Неро' погана по'на амдэда' ханона' тания'.** Тикы ханха'на хуркари' амгэри' тания'. Ули' пойда неро' под мядикодабть' мяргуди', ханя-хартад тюва серта ягобта. <...> Нябт тэри салмуй я'нёр' эдарабю'. Тодабти'ни' тодади') [4, 155, 167].

В этом фрагменте у реки есть своё название, что для героического эпоса является редкостью, тем более, что оно никак не обыгрывается в сюжете.

Как показывают оба отрывка – предыдущий и следующий, такие «нарты, стоящие годами», по своему назначению представляют аналог земляного чума. Скорее всего, данная конструкция была заимствована ненцами у местного оседлого населения, в то время как «нарты, стоящие годами» – это ненецкая технология – «на чёрный день»:

Тут оказалась сопка с пологим склоном. Я взглянул назад. Отсюда был виден край леса, виден чум оленевода земли Наро. Я смотрю вперёд: видны наши 70 чумов. Тут отец Хаторо сказал: «<...> посмотри вверх по реке... В верховьях реки три изгиба. Самый верхний изгиб – самый большой. На том изгибе есть очень густой кустарник. В этом кустарнике есть **наши нарты, которые стоят годами.** <...> Эти нарты ты должен знать... [Скрывающий нарты] кустарник очень густой. От верховьев реки есть тропинка, по ней может пройти только один человек. С другой стороны нельзя пройти. В этих нартах есть разная еда, есть одежда, когда-нибудь это пригодится» (Няв эда хой, хой эвы. Ненэсяда о' саюв пуня' хэвы. Пэдара' тир'е, Наро я' тэта' мята адъвы. Нерня' сырнам', си'ив ю'мя'ма' адъвы. Тикэвана Хаторо нисяв пыда тарем' ма: «<...> яха' тю'уня' сыркар', <...> Яха' тю'уняна няр'хара. Нята тю'уй харана, саць арка хара. Тикы харана неро тания, ули' паль' неро. Тикы **нерона амдлада' ханона' тания'.** <...> Тикы хано пыдар теневагуд... Таклада неро ули' паль' неро. Яха' тю'уний хэвхад сарпяко тания, апой хибяри' нялма' пир. Ани яхавад нялма' пир ни а'. Тикы ханха'на хуркари авар ни ягу', ембдяр' ни ягу', сярй' хурина таравы эбцу») [4, 462–463, 484]. Здесь выражение «стоящие годами» в ненецком исходнике представлено термином «сидячие» (так говорят об оседлых людях).

Герой, отправляясь на месть или за невестой (к потенциальным врагам), нередко сначала объезжает своих союзников (которые также исполняют роль сватов) и уже с их участием встречается с врагами (воюет и в одиночку). Тогда места обитания тех и других могут различаться в силу их постоянного человеческого качества (злой/добрый).

Однако при анализе оказалось, что места обитания друзей в героических песнях почти не отражены. (Здесь опять видна ненецкая немногословность.) Места обитания врагов (в сюжетах о добывании жены они должны быть, поскольку это конечная точка путешествия героя) внятно представлены нечасто. Это либо каноническое описание, либо описание, свободное от эпических канонов – в отношении благополучного места.

Первый случай – *сюдбабц* о мести героя за погибшего отца и родных «Сив Ноэця» и песня о борьбе за украденную жену «Младший хозяин Белых [олений]» (по облику вроде бы тоже *сюдбабц* – в сб. Н. М. Терещенко жанры не обозначены):

В большое море вдавался один (большой – в русском переводе пропущен Н. П.) мыс. На большом мысу было семьсот чумов (*Нарка яв'ня'юб'нарка сале таневы. Юб'нарка салеханда си'ив юр'мя'нэвы*) [8, 67, 85].

Там где-то начали кочевать только по холму, только по хребту. Большой их холмище окончился у горьководного моря. Их большой холм к горьководному морю тремя ответвлениями непрерывно [тянется]. На трёх мысах триста жителей. (*Тайна хунанди' хойри' нявэхэ', сюмбрим' нявэхэ'. Нарка хой" яди' итя набтенян' хой хэбилей". Наркади' хойди' итя набтенян' няхар" таркавна хой сэбине. Няхар" саяхана няхар'юр'тер"*) [8, 88, 102].

Второй случай – *ярабц* о добывании жены:

У подножия этого холма протекает река. Это река со ступенчатыми берегами и извилистая. В долине этой реки везде стоят чумы и ходят олени. На [всем] пространстве, которое можно охватить глазом, стоят 100 чумов (*Хойни' ылувна яха хэвы. Мадрота яха, ёсерета яха. Тикы яха' мюйда ялхада мя', ялхада ты. Сэв хунка'на мяд' ади, тас юр'мя'*) [4, 242, 255].

Показался холм, похожий на вытянутую руку. По обеим сторонам холма текут реки. В устьях маленьких речек 100 чумов (*Уда' тюдарха хой эвы. Сидя хэван'яха'ха'мормы'. Пезь' малхана тас юр'мя'*) [4, 315, 329].

Ещё в одном случае (по лаконизму оно вполне могло быть каноническим, но встретилось лишь один раз) место может отражать суровость и силу врагов:

На большом хребте 30 чумов (*Арка хой'ниня няр'ю'мя'*) [4, 694, 701].

В этой песне у героя-мальчика в самом начале умирает отец, и мать уезжает вместе с ним к своим родителям – нганасанам. В героическом эпосе ненцев нганасаны всегда выступают среди врагов героя, но не в качестве основных – основные враги их приглашают на помощь, поэтому в ненецком эпосе места обитания нганасан описываются крайне редко. В этой же песне опять-таки одним из врагов оказывается жених, приехавший к нганасанам сватать мать героя, мальчик ему не нужен, и от него он хочет избавиться раз и навсегда. Злоключения героя начинаются с этого места, и главная его победа происходит в тот момент, когда герой убивает всех, кроме своей тётки-нганасанки (которая спасла его в своё время – отправив на упряжке и снабдив всем необходимым). Тётку он увозит с собой.

Ещё один любопытный пример представлен двумя вариантами одной песни «Сын хозяина Ябта Саля (Тонкого мыса)»:

С лесом, с ивняком очень большая река оказалась. За рекой равнина была. На той равнине, на ближнем краю, семь больших чумов. (*Пэдарасавэй, нерусавэй нули'нарка яха нэвы. Яха'тяханяна лабта я нэвы. Тикы лабта'тальний вархана си'ив нарка мя'*) [4, 105, 131].

В конце реки будет семь больших сопки. До этих сопки будете идти целый месяц. <...> Вы поднимитесь на эти сопки. Посмотрите – там будет семьдесят чумов. (*Яха'малхана си'ив арка сохо эгу. Тикы'эсод'тас ирий'мидади'. <...> Тикы сохо'ни'танагуди'. Сыртади', си'ив ю'мя'эгу*) [4, 154, 166].

Первый вариант, как видно, стандартно-благополучный, без особых подробностей. Большая река половину года является ещё и защитой для стойбища. Второй вариант – эпический, подобный вышеупомянутой земле нганасан. Песня «Сын хозяина Ябта Саля (Тонкого мыса)» составителем отнесена к *сюдбабц*, то есть в ней должно быть больше эпического, нежели бытового. В комментариях отмечено, что имя Семь Сохо (обитатели места и в том, и другом варианте) происходит от ненецкого *сохо* – «сопка» [4, 739]. Стало быть, второй вариант («Сын Хозяина Ябта Саля», вари-

ант А) в этом месте ближе к изначальной форме песни. Тут каноническим можно обозначить не форму, а один из принципов называния героев (по месту обитания). Он характерен для эпоса с пространственной гиперболизацией (сопки, до которых надо идти целый месяц, получаются огромными горами).

Всё же один из ярких канонических примеров в отношении местообитания друзей в корпусе данных текстов удалось найти. Это «Носящий одежду из росомашей шкуры является хозяином стойбища» («*Иугней парка уы-сынду'ервота*»):

Там где-то холм кончился на мысу горьководного моря, там на мысу горьководного моря кончилась и дорога многих земель. Там, где она кончилась, на конце мыса сто тонких чумов (*Тайна хунанда итя уабтене'яв'саярин'хой хэбилей', ё'недарме'э итя уабтене'саян'хэбилей'. Та'хэбилесь сая'малхана юр'ябта мя'*) [8, 159, 167].

В результате мы обнаруживаем, что сам характер места обитания к положительному или отрицательному качеству героев не имеет отношения. В героическом эпосе мы вряд ли найдём примеры перехода персонажей из плохих в хорошие и наоборот, но у героя в стойбище среди врагов могут оказаться друзья и тайные покровители. Человеческий фактор в ненецких героических песнях непредсказуем, и в этом – одна из притягательных особенностей ненецкого эпоса. С другой стороны, для таких мобильных (и практичных) кочевников, как ненцы в пространстве их обитания нет устойчивых границ – они всё время меняются в зависимости от количества оленей и людей, а также от физической силы или слабости их хозяев. Это относится уже к мировоззрению и стратегиям культуры в целом.

В) места обитания в финальных формах

В ненецких героических песнях сюжет может занимать десятки лет – если герой ребёнок, то он обязательно становится взрослым, чтобы победить врагов. По своему охвату человеческой жизни эти песни напоминают скандинавские саги. У таких песен может быть и мифологическое завершение, но оно выглядит производным от героического, и его имеет смысл рассматривать отдельно. Пространство, освобождённое от врагов, организуется по-новому. Герой *сюдбабц* и *ярабц* (а их обычно несколько) в результате обзаводится семьёй и стадом оленей. Нередко он наследует землю

отца (см. выше). Но как по отношению к нему устраиваются его друзья и союзники? Для нас важно понять общие принципы подобной организации. Для ненецкого героического эпоса такой общий принцип оказывается поразительно простым:

Мы так живём, что видны наши стойбища, мы ездим друг к другу в гости. «Сын хозяина Ябта Саля (Тонкого мыса)», вариант А (*Тарем' эсы'на' адясь илева', ня'ни' мяка' ти мядумазь эдалёрцетыни'.* «Ябта Саля' Ерв») [4, 161, 173].

Вот мы (герой и сестра, которую тот выдал замуж) стали чумами на два холма. Мы по-хорошему ездим в гости друг к другу. «Сын хозяина Ябта Саля (Тонкого мыса)», вариант В (*Ти сидя хой'ни' нэсывна'. Няна' пою'мана хури савамбовна мядонгава')* [4, 193, 198].

Пусть ваши чумы будут видны от наших. Мы встанем чумом на видное место, и вы станете на видное место (*Мядуна' адя'. Маня' адьда ян' эсудава', пыра' адьда ян' эсыда')* [4, 251, 266].

Так мы живём, мы видим чумы друг друга (*Тарем' мяду'на' адясь илева')* [4, 382, 396].

Нам нужно жить в разных стойбищах, но так, чтобы чумы наши были видны (*Хари' эсына' ня'на' адя илеб'на' тара')* [4, 645, 655].

И только в одной песне приводится другой порядок организации пространства в финале:

Мы не разъехались, мы сказали: «Давайте мы, пришедшие из разных земель, жить вместе» (*Хэвня' нива' хань', мава': «Абкана илехо' ядат тобэе'»*) [4, 722, 737].

Объяснение обнаруженного принципа можно найти в специфике ведения крупнотабунного оленеводства. Домашний олень — это имущество, которым каждый собственник распоряжается в меру своих усилий и опыта. И понятие хозяйственной удачи, «оленьего счастья» относится всегда к конкретному человеку. Поэтому здесь каждый хозяйничает отдельно, но принцип взаимопомощи соблюдается свято. Любопытно, что эта ненецкая независимость и ненавязчивость проявилась, например, в расселении двух ненецких «робинзонов» на о. Вайгач. В 2000-м году они оба жили на берегах бухты Долгой (напротив, через пространство бухты) на севере острова. Расстояние между их избушками — двадцать с лишним километров, но это не мешало им навещать друг друга. (С одним из них автор тогда и познакомился в островном посёлке — расстояние, которое тот преодолел пешком, было около 120 км.).

Г) общие категории места (земли)

Эти выражения встречаются и вначале, и в самом сюжете, и в финале. Они имеют оценочный характер, а для нас интересны и важны тем, что наделяют территорию определённым качеством: как близким и понятным для нас, носителей индустриальной культуры и линейной истории, так и весьма специальным, чисто ненецким или ненецко-угорским.

Самый простой и понятный пример находим в песне «Три Лидянгако», там герои отправляются сватать девушку к людям, о которых идёт недобрая слава. Подъезжая к их стойбищу, герои обмениваются кольцами, и один из них говорит другому: «Если кто-нибудь из нас умрёт, найдём друг друга по кольцам. Теперь мы едем **в плохую землю**» (*Ханяна хаба'нь' нинь' уда еся'мнань' хогунь'. Теда' вэва ян' мицань')* [4, 242, 255]. Здесь понятие места и его обитателей не только совпадают, но и оценивается качество места через людей, которые на нём живут. Аналогичный пример в песне «Сидя Я' тэта» («Два оленевода земли»), в котором героиня, спасаясь от преследователей, говорит: «Нам нужно искать **спокойную землю**» (*Сыносяда ядуй' хоба'нь' тара')* [4, 374, 386]. В ненецко-русском словаре Н. М. Терещенко *сынгосяда* я номинируется как «глушь», «глухое место» [9, 573]. При переводе необходимо учесть отрицательный суффикс *-сяда*, тогда получается «**неизвестная земля**». Это качество места тоже связано с людьми.

Однако понятие «*вэва я*» «плохая земля» может быть не связано с людьми. В песне «Сив Ноеця» («*Си'ивда Ноеця*») один из друзей героя говорит:

— Наша земля плохая. Твоя земля лучше. Мы хотим приехать в твою землю. Сив Ноеця сказал: «Моя земля, и правда, лучшая земля. Если вы приедете в мою землю, в моей земле есть семь мысов. Каждый из вас станет на один из семи мысов» (— *Маня' ява' тэри вэварка. Пыдар яр саварка. Пыдар яханд тован' харвава'. Си'ивда Ноёцяр маснюн': «Мань ями ненэся но' саво я нэ' нив'. Яхани' тоб'нанди' мань яханани си'ив сале. Си'ив саян' то'на' саяха' нэсодава'»*) [4, 76, 94].

В этом фрагменте качество места, отдельное от их обитателей, также вполне понятное нам: может быть, их земля неудобна для жизни, там мало воды или ягеля. Или же они в своей земле чувствуют себя некомфортно, поэтому хотят переселиться в землю героя. Главный герой, став

хозяином семи мысов, не отрицает, что его земля лучше.

В приведённой выше песне обнаруживается понятие «крепкая земля», описание которой аналогично земле отца героя, но меньше: один большой мыс с семистами чумов, уходящий в море.

Песня сказала: «Всегда говорят: его земля, Нэва Сыхыдэда земля – крепкая». И правда, земля была крепкая. Жителей было много. (Мэта сюдбабц масьню': «Пили' манзеты', яда Нэва Сыхыдэда яда мэ'я». Ненся ю'мэ'я нэвы. Янда тер'юка нэвы') [4, 67, 85]. Из этого высказывания видно, что многочисленность жителей – один из признаков «крепкой земли». Как говорит сама песня – это некий залог объективности, но тут она ссылается на общее мнение: «Всегда говорят» (Пили' манзеты'). Следующее высказывание в этой же песне вытекает из предыдущего:

Семьсот жителей сказали: «Если один человек, наша земля крепкая, что с ним будем делать?» (Си'ив юр'тер'масьню': «Нюпой хибяри нэхэвабта ява'мэ'я, уамгэмда нэртава?») [4, 68, 86]. То есть жители «крепкой земли» настолько уверены в своей защищённости, что у них возникает только недоумение по поводу появившегося богатыря-одиночки.

Действительно, в песне «Хаторо тэта» («Оленевод Хаторо») герой пытается объяснить свои неудачи этим качеством:

<...> мы стреляем целую зиму. У них нет убитых: их земля очень сильная. <...> Земля нганасана Сейси очень крепкая – убитых нет (<...> тас сыра'енеруани'. Хагнадо'ягу, ядо'сац'мэ'мы. <...> Тавысо сейси'няна'яда мэ'ё'мы, хагнадо'ягу) [4, 476, 500].

На самом деле, согласно сюжетам «Сив Ноеця» и «Оленевод Хаторо» «крепость» земли – это не исчерпывающее качество в борьбе богатырей (враги все равно были уничтожены). Поэтому песня об этом говорит не от себя, но ссылается на общее мнение.

– На этом месте летовать нельзя, наверное, мы начнём кочевать к нашей сильной земле (Тюку ярихана мад'танго'ма серта'нули вуни тая', хадри'такты мэ'яна'уэсонд'юб'мюсе нябцува') [4, 616, 628]. Тут видна неуверенность предводителя врагов на чужой территории, его можно понять – все герои сбежали, никого не удалось убить.

Тем не менее, поддержка своей земли много значит, в песне «Младший хозяин Белых» герой гонится за врагами, которые бегут от него не

куда глаза глядят, а в те места, где есть надежда на дополнительную помощь:

Там где-то у Трёх Хромых крепкая земля, земля их оказалась. Оказалось, есть семь песочных мысов (Тайна хунанда няхар'Мэднанд тамна мэю'ядо', ядо'танявы. Сив яра саля, саля танявы') [8, 91, 106].

У Семи Пялься их земля очень сильная. На расстоянии семидневной езды мышиного следа нет (Си'ив Пяльсянд ядо'нэдакы нули'мэ'я. Си'ив хун'мана яля'хун'мана тиса'нутэ янугу) [10, 308, 309].

В этой песне приведённый фрагмент дан вначале, что большая редкость: вдобавок он приведён с ироничным оттенком. В сюжете это место не присутствует, оно является отправной точкой действия и точкой финала.

По переводу приведённых примеров становится понятно, что «сильный» и «крепкий» в ненецком языке обозначаются одним словом (мэ'ё), но в словаре представлено одно значение – «крепкий» [9, 268]. Тогда понятие «сильный» выглядит метафорой «крепкого».

По одному высказыванию из четырёх песен, где нам встретилось выражение «крепкая земля», возникает предположение, что «крепкая» земля должна быть красивой. Там мальчик, несмотря на запрет, отправляется вниз по речке и выходит на берег моря с семью мысами:

Мальчик сказал: «Те мысы очень ведь красивые» (Нацекэр масьню': «Тики салекуд няна'нани'паской'ню'») [4, 61, 79].

Поэтому он идёт их осматривать и находит там разрушенное стойбище и боевую одежду своего отца. Любопытно, что ненецкий героический эпос не любит слова «красивый» – в 50 текстах оно употребляется только два раза: один при описании девушки, а второй – в приведённом выше фрагменте. К тому же само слово, вероятно, представляет собой русское заимствование из поморского диалекта «баской» [2, 38], что не означает отсутствие данного понятия в ненецком эпосе. Для нас важно, что оно применяется по отношению к местам обитания.

Обсуждение и заключение

Различные формы начала того или иного героического сюжета у ненцев, представленные пространственными характеристиками, можно обозначить в двух категориях: благополучные и неблагополучные. Последняя интересна тем, что отсылает нас к некоему сюжету из прошло-

го по отношению к нынешнему. Этот прошлый сюжет закончился поражением и гибелью главного героя, сын которого является главным героем существующего сюжета. Поскольку же в героическом эпосе как жанре такого не может быть (добро всегда побеждает зло, и главный – положительный герой всегда побеждает своих врагов), то это явление можно назвать «квазисюжетом» в качестве повода для настоящего сюжета.

Если начало ненецкой эпической песни, может иметь много различных исходных расстановок героев, то благополучный финал однообразен и прост: вот наиболее часто встречающаяся форма в различных вариантах, связанная

с пространственной характеристикой: Так мы живём, мы видим чумы друг друга (*Тарем'мя-ду'на' адясь илева'*). Это принцип идеальной жизни по ненецкому образцу: обязательная взаимопомощь при полной самостоятельности.

Выводы относительно «крепкой земли» в ненецких героических песнях оказываются неожиданными: понятие «крепкой земли» пришло в эпос из общих представлений о мире, действия богатырей его нивелируют. Вероятно, это общая задача героического эпоса – отмена человеком мировых законов в экстраординарных случаях. Таким образом, героический эпос продолжает линию мифа внутри человеческого сообщества в историческое время.

Список источников и литературы

1. Головнев А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.
2. Моисеев И. И. ПомОрьска ГовОря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск: Белые альвы, 2005. 138 с.
3. Куприянова З. Н. Ненецкий фольклор. Л.: Учпедгиз, 1960. 296 с.
4. Куприянова З. Н. Эпические песни ненцев. М.: Наука, 1965. 782 с.
5. Структура волшебной сказки / Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик, Д. М. Сегал. М.: РГГУ, 2001. 234 с.
6. Пропп В. Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.
7. Пушкарева Е. Т. Картина мира в фольклоре ненцев. Екатеринбург: ООО «Баско», 2007. 248 с.
8. Терещенко Н. М. Ненецкий эпос: Материалы и исследования по самодийским языкам. Л.: Наука, 1990. 335 с.
9. Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. 942 с.
10. Фольклор ненцев / сост. и комментаторы Е. Т. Пушкарева и Л. В. Хомич. Новосибирск: Наука, 2001. 504 с. (Серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», т. 23).
11. Цивьян Т. В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке (на материале албанской сказки) // Типологические исследования по фольклору. Сборник памяти В. Я. Проппа. М.: Наука, 1975. С. 191–213.
12. Castren M.-A., Lehtisalo T. Samojedische Sprachmaterialien. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1960. 462 s.
13. Greimas A. J. Pour une theorie de l'interpretation du recit mythique // Greimas A. J. Du sens. Essais semiologiques. Paris: Seuil, 1970. S. 185–230.
14. Lehtisalo T. Juraksamojedische Volksdichtung. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1947. 615 s.
15. Lehtisalo T. Juraksamojedische Woerterbuch. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1956. 602 s.
16. Levi-Strauss C. La geste d'Asdival // Annuaire de l'Ecole pratique des hautes etudes. Section des sciences religieuses (1958–1959). Paris: Imprimerie Nationale, 1958. S. 3–43.

References

1. Golovnyov A. V. *Kochevniki tundry': nency i ix fol'klor* [The nomads of the Tundra: the Nenets and their folklore]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2004. 344 p. (In Russian)
2. Moiseev I. I. *PomOr'ska GovOrya. Kratkij slovar' pomorsskogo yazyka* [PomOr'ska GovOrya. Brief dictionary of the Pomor language]. Arkhangelsk: Belye al'vy Publ., 2005. 138 p. (In Russian)
3. Kupriyanova Z. N. *Neneczkij fol'klor* [Nenets folklore]. Leningrad: Uchpedgiz Publ., 1960. 296 p. (In Russian)
4. Kupriyanova Z. N. *E'picheskie pesni nencev* [Epic songs of the Nenets]. Moscow: Nauka Publ., 1965. 782 p. (In Russian)
5. Meletinskij E. M., Neklyudov S. Yu., Novik E. S., Segal D. M. *Struktura volshebnoj skazki* [The structure of a fairy tale]. Moscow: RGGU Publ., 2001. 234 p. (In Russian)
6. Propp V. Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of a fairy tale]. Moscow: Nauka Publ., 1969. 168 p. (In Russian)
7. Pushkareva E. T. *Kartina mira v fol'klore nencev* [Picture of the world in Nenets folklore]. Ekaterinburg: ООО «Баско» Publ., 2007. 248 p. (In Russian)
8. Tereshhenko N. M. *Neneczkij e'pos* [Nenets epos]. Leningrad: Nauka Publ., 1990. 335 p. (In Russian)

9. Tereshhenko N. M. *Neneczko-russkij slovar`* [Nenets-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaya ehnciklopediya Publ., 1965. 942 p. (In Russian)
10. *Fol`klor nencev* [Folklore of the Nenets]. Comp. by E. T. Pushkareva and L. V. Khomich. Novosibirsk: Nauka Publ., 2001. 504 p. (*Seriya «Pamyatniki fol`klora narodov Sibiri i Dal`nego Vostoka», T. 23*) [Series «Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East», Vol. 23]. (In Russian)
11. Tsyvyan T. V. *K semantike prostranstvenny`x e`lementov v volshebnoj skazke (na materiale albanskoj skazki)* [To the semantics of spatial elements in a fairy tale (on the material of an Albanian fairy tale)]. *Tipologicheskie issledovaniya po fol`kloru* [Typological research on folklore]. Moscow: Nauka Publ., 1975. pp. 191–213. (In Russian)
12. Castrén M.-A., Lehtisalo T. *Samojedische Sprachmaterialien*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1960. 462 s. (In German)
13. Greimas A. J. Pour une theorie de l'interpretayion du recit mythique. Greimas A. J. *Du sens. Essais semiotiques*. Paris: Seuil, 1970. P. 185–230. (In French)
14. Lehtisalo T. *Juraksamojedische Volksdichtung*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1947. 615 s. (In German)
15. Lehtisalo T. *Juraksamojedische Woerterbuch*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1956. 602 s. (In German)
16. Levi-Strauss C. La geste d'Asdival. *Annuaire de l'Ecole pratique des hautes etudes. Section des sciences religieuses (1958–1959)*. Paris: Imprimerie Nationale, 1958. Pp. 3–43. (In French)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Плужников Николай Владимирович, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский пр., 32А), кандидат исторических наук.
ethno@list.ru
ORCID ID: 0000-0003-1770-2618

ABOUT THE AUTHOR:

Pluzhnikov Nikolay Vladimirovich, Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (119991, Russian Federation, Moscow, Leninsky prosp., 32A), Candidate of Historical Sciences.
ethno@list.ru
ORCID ID: 0000-0003-1770-2618